

В СЕГО привлекательнее рассказывать о жизни и творческом пути Федора Гладкова, начав с его детства и юности. Они тяжелы. Но если смотреть через призму прошедших десятилетий — овеяны дымкой романтики, как у Максима Горького. Когда я по восторженной молодости высказал Гладкову мысль о романтичности скитаний Горького, он охладил меня:

— Романтика-то романтикой. А вот какво тому, кто ее на себе испытал. — И, смотря мне прямо в глаза, спросил: — Вас часто порол в детстве? —

Я замолк, пораженный простотой истиной.

Разговор произошел у нас в 1949 году. Я запомнил этот момент по выходу его книги «Повесть о детстве». Именно тогда познакомил меня с Гладковым ярославский писатель Павел Федорович Лосев. Возможно, Федор Васильевич не обратил бы на студента внимания: сколько у него, профессора Литературного института, прошло их перед глазами! Но Лосев меня отрекомендовал так:

— Борис Дмитриевич — бывший воздушный разведчик.

Гладков повернулся и недоуменно уставился на меня: какой я шустрый и неказистый на вид! Поправил очки.

— Вы были разведчиком? Воевали?

Сдерживая подступившую обиду, я протянул как можно равнодушнее:

— С первого дня до последнего. — И добавил самое непонятное для непосвященных в тонкости воздушной разведки: — Аэрофотограмметрист - дешифровщик.

Он стоял, ростом на палец повыше меня, правда, куда старше и солиднее. Выспрашивал о воздушном фотографировании, о «катюшах». Поначалу я робел, чеканил, как на докладе генералу, четко и немногословно. Потом незаметно разговорились. Подкупала в Федоре Васильевиче какая-то строгая простота. Но — без упрощенности. Его глаза смотрели внимательно, изучающе. Как буд-

• К 100-летию Ф. В. ГЛАДКОВА

Открывший свой мир

то оценивал он то, что слышал: верно — неверно, важно — неважно...

Прощаясь, Гладков обещал прочитать мои рассказы, я их только начал писать.

Через несколько дней я вновь поехал в Москву из Ярославля. Позвонил писателю. Он предложил встретиться на следующий день. И когда я пришел, сделал несколько конкретных замечаний о стиле моих рассказов. Объяснял немногословно, точно, без академичности. Даже специфические литературные понятия звучали у него просто и доступно. Одно замечание помню чуть ли не дословно:

— Обилие конкретных деталей, когда описываете прошлое, может родить подозрение: вспоминаете ли вы это или сочиняете. Проще надобно писать. А детали сами придут, когда надо. А то у вас, словно из рога изобилия...

Как я узнал позднее, он сам «грешил» деталями в рассказах 20-х годов.

Мое поколение воспитывалось на его «Цементе», знакомились с Днепротрестом и другими стройками первых пятилеток если не на своем опыте, то по его роману «Энергия». Многие увлекались тогда героями Федора Гладкова своей твердой волей, нравственной бескомпромиссностью. Сила таких, как Глеб Чумалов, Даша, заключалась в том, что выросли они из недр народа, а не были плодом кабинетной фантазии. Их создатель прекрасно знал быт и астраханских рабочих, и труд

на рыбных промыслах, сезонную работу и судьбу босяков. Вот почему еще до революции один околосредовый дилетант, у которого Гладков в имении мыл полы, сунул ему однажды две тоненькие книжки с рассказами Горького и барственно произнес:

— Вот, Федор... Этот молодой беллетрист тебе будет сродни. Он из низов, кажется, бывший босяк...

Прочитав эти рассказы, Гладков стал «пленником Горького», даже поначалу рабски подражал ему во внешности: отпустил длинные волосы, одевал рубаху-косоворотку, широкополую шляпу. Но, как и сам признавался, колоссальное впечатление уже позднее произвели на него автобиографические повести Горького. Они, пожалуй, и толкнули его на мысль писать в том же роде. А когда Федор Васильевич поделился с М. И. Калининым своим замыслом, тот сказал:

— Вы росли в трудное и напряженное время. О рабочих у нас в те времена вовсе мало писали, и сейчас некому писать о первых шагах рабочего движения. Кроме горьковской «Матери», ни одной яркой книги нет.

В литературе Федор Гладков был мудрым работником в самом лучшем, горьковском смысле этого слова. Как художник-творец он перепробовал свои силы во всех жанрах: писал пьесы и очерки, литературные портреты и романы, повести и эссе. Повседневный труд — вот символ его жизни. Он не оболь-

стился в свое время успехом «Цемент». От издания к изданию очищал язык романа от введливных диалектизмов, искусственности и надуманности ситуаций. Он несколько раз перерабатывал роман «Энергия», вытравляя вычурность стиля из своих ранних рассказов. В этом он был безжалостен и к молодым литераторам. Вот одно из его писем ко мне: «Борис Дмитриевич!

Рассказ ваш «Набат» я прочитал с интересом. Но скажу по совести, он не произвел на меня должного впечатления. Вы пишете о дореволюционной деревне, не зная ее, не видев ее. Сюжетная основа Вам удалась, и даже очень. Только то, что хорошо знаете, о том и пишете, а не о том, что слышали или читали.

Ваш Ф. Гладков.»

Быстрый ход времени мы ощущаем, оглядываясь назад. Даже как-то и не верится, что вот теперь, 21 июня, отмечается столетие со дня рождения Федора Гладкова. Его нет, но с нами его книги. Бережно держу в руках тома из собрания его сочинений, повесть «Изгой», изданную в 1922 году, книжечку библиотеки «Огонек» с его дарственной надписью. Особенно дороги мне его автобиографические повести. В таком жанре у всех писавших есть нечто общее — становление главного героя. Но содержание всегда различно. И сколько бы ни писалось этих «художественных автобиографий», мы читаем их с неослабевающим интересом. Такие вот и «Повесть о детстве», и «Вольница» Федора Гладкова, отмеченные Государственными премиями. Классическая традиционность — и своеобразие в открытии мира! Он призван был всей жизнью именно открывать новый мир труда, воспеть энтузиазм рабочего человека. В этом сила его и как художника, и как человека-гражданина.

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
доцент Тираспольского
пединститута им. Т. Г.
Шевченко.